

Когда моя жена впервые прочла эту книгу, она сказала мне: «Как жаль, что эта книга не встрети­лась мне раньше.

Когда я еще не знала тебя и не знала себя...»

Помолчав, она добавила: «Ты бы хотел полно­стью соответствовать тому “мужскому уровню”, который ты задал в своем “призыве” к мужчи­нам?» Я ответил: «Да!»

Возможно, многие мужчины после прочтения этой книги меня осудят, назовут подкаблучником и даже женщиной. Да, я серьезно не удивлюсь, если те, кому я «не угодил», или же, напротив, те, кому «угодил» очень сильно, скажут, что кни­га написана женщиной..

Я готов принять мнение каждого. Но готовы ли вы принять мое?

*

Посвящаю матерям, женам и музам. Посвя­щаю каждой плодородной песчинке земли..
Спасибо за сыновей, дочерей и победы.

Эта книга — моя благодарность вам!

*

Не важно, мужчина или женщина возьмет в руки эту книгу, я думаю, что каждый может вы­нести из нее для себя что-то ценное..

* * *

Часть первая
Берегите
в ней женщину

Твоя женщина всегда будет нравиться другим мужчинам...

...Хочешь ты этого или нет!

Если ты выбираешь красивую женщину, то будь готов к тому, что и другие представители сильного пола будут наслаждаться тем ароматом, который доставляет тебе удовольствие. Нюхать цветы в чужом саду — это не преступление, к тому же многим цветам нравится, когда ими наслаждаются со стороны, упиваются, когда о них думают и запоминают их запах, пусть и на мгновение, — оттого они еще лучше цветут и великолепно пахнут.

Женщины — цветы, и, поистине, они цветут для всего мира, а готовы принадлежать только одному ценителю их прелести!

Не ругай свою женщину за ее красоту, ведь хотеть — не значит иметь, нюхать —

это не значит срывать, а запоминать — не значит присутствовать рядом.

Разве песню наказывают за то, что она прекрасна?

Если ты выбрал красивую женщину, то будь, пожалуйста, сильным! Ведь ты вправе был выбрать и чахлую, никому не нужную розу, в чьем саду не бывает зрителей, чей аромат не радует обоняние, чьей красотой не восхищаются другие.

Но ты выбрал ее, ту мелодию, которую слушать хотят, чьим звучанием наслаждаются. Наоборот, тебе должен доставлять удовольствие тот факт, что рядом с такой женщиной идешь ты.

Разве рядом с ней ты не раскрываешься по-другому?

Не ревнуй! Ревность — это опухоль на любви, она подобна раку. Не стоит беспокоиться, твою красоту никто не отберет у тебя, если ты сам от нее однажды не откажешься. Женщины — цветы умные, их можно украсть, только если они этого захотят сами . .

Уничтожить женскую красоту, лишь бы ею не восхищались другие мужчины, — это может каждый, мой друг. Знаешь, сколько в этом мире увядших, когда-то красивых,

вызывавших восторг всего мира цветов? — Много.

И очень мало тех, которые давно уже кому-то принадлежат, но до сих пор выглядят так обворожительно, будто они свободны..

Не стоит губить прелесть свою, лишь бы на нее не обращали внимание, лишь бы ею не восхищались другие. Возможно, стоит научиться получать удовольствие оттого, что эта прелесть растет в твоём саду... Понимаешь?

Конечно, ты все понимаешь, отец!

Так странно, я пишу свои книги как будто для «всех», но адресаты — это всегда определенные люди из моей жизни. Те люди, которым я что-то не досказал.. Почему именно отцу я адресую эти строки?

Я с раннего детства помню, как отец ругал мою маму за то, что она перед выходом из дома красилась и пользовалась парфюмом. Он испытывал по отношению к ней непонятную для меня злость, и чем красивее она выходила «в люди», тем большую он копил в себе обиду на нее.

Красивую женщину мой отец не воспринимал рядом с собой. Ему нужно было, чтобы моя мать ходила по дому в грязном, старом

халате, ненакрашенная, неухоженная. Не говоря уже о таких вещах, как маникюр или укладка волос!

А самое главное было для него, чтобы она обязательно «в свет» выходила такой же, какой она была дома. Неженственной...

Моему отцу было комфортно жить с «чахлой» и «никому не нужной розой». Лишь бы на нее не смотрели чужие глаза, лишь бы ее не желали другие мужчины...

А любил ли мой отец женщину, которая жила рядом с ним? Я смог себе прямо задать этот вопрос лишь в двадцать четыре с половиной года, когда я стал выше и сильнее его. Когда я научился подтягиваться на одной руке, как это делал в своей минувшей и яркой молодости он, когда я наконец перестал из раза в раз поступать так, как поступал он. Ведь, становясь его подобием и копией, я не приблизил к себе оригинал, и для себя самого я отнюдь не стал лучше его.

Но я стал со временем лучше себя

Мой отец ревновал, и, может быть, своей ревностью он подобным образом проявлял свои бедные чувства к моей матери. Я могу всю жизнь оправдывать его тем, что свою

любовь он внешне никогда не показывал, потому что человек он такой..

Знаешь, отец! А я ведь не глуп, я взрослый уже.

Не показывать свои чувства — это значит каждый раз убивать любимого человека своим бесчувствием и молчанием.

Не показывать свою любовь — это значит отказаться от человека, которого ты любишь. И если он, в свою очередь, готов идти за тобой в пекло, как любила моя мама, то он все стерпит, правда, станет молчаливее со временем, более сдержанным и полюбит проводить много времени в тишине, думая о чем-то своем.. Но он, несомненно, примет тебя «таким».

Но разве ты не сволочь, человек ты «такой»? Я могу быть «таким», моя жена может быть «такой», мои дети могут быть «такими», весь мир может быть «такой»! Понимаешь меня, отец?

Жаль, что мы с тобой не поговорили однажды «по-взрослому», у меня есть много, что тебе следовало бы сказать..

Я не в обиде на тебя за мать, которая рядом с тобой увяла раньше времени, я не ношу на тебя обиду за юного себя, которому

тебя не хватало даже тогда, когда ты был рядом.

Главное, чтобы мой сын и жена не были в обиде на меня! А тебе судья — Бог, мой любимый папа..

Я хочу сказать тебе, мой дорогой читатель, не важно — мужчина ты или женщина, что мой отец был слабым человеком. Он не был плохим, для меня он всегда останется светлым, как яркий луч дневного солнца, падающий на распятие Христа в полумраке намоленного храма.

Мой отец умел подтягиваться на одной руке, он в шестьдесят четыре года мог подтянуться на двух руках десять раз, но даже это не смогло его сделать сильным в моих глазах.

Наши детские глаза — это отражение грехов наших родителей. Почему иногда они прячут от нас свой взгляд или смотрят в разговоре с нами себе под ноги?

Сила в том, отец, чтобы сохранить красоту своей женщины, чтобы не позволять ей плакать рядом с тобой и чувствовать себя ненужной.

Сила в том, отец, чтобы не дарить своим детям ненужные им дорогие подарки, лишь

бы отчитаться перед своей Совестью за то, что ты — отец, а обнимать их изо всех своих спрятанных сил, целовать в лоб, если маленькие — можно даже в губы, сила в том, мой Бог, чтобы самые близкие твои люди, рабы, чувствовали, что ты их любишь.

Я и вправду, отец, до двадцати двух лет наивно верил в то, что и другие отцы сделаны из камня, что и другие папы не целуют своих детей и ругают своих жен за их красоту.

Я, честно, отец, до последнего верил в то, что если ты «такой», то стоит тебя за это простить и принять «таким». Но последние два года я сражаюсь с тобой мысленно, я кричу тебе в холодном поту во сне свою правду, так как наяву у меня не хватило на это сил.

Последние два с половиной года я стараюсь не быть «таким», как ты. И понимаю, что на это я потрачу не год и не два, а всю свою жизнь...

Еще год назад я мог похвастаться тебе тем, что мои книги вышли тиражом более ста тысяч экземпляров, что у меня определенно есть писательский потенциал. Что я лучше, чем ты. Что я лучше, чем мог быть я!